

Я сделал глубокий вдох и выдохнул, чувствуя сладковатый привкус. В воздухе больше не пахнет мертвячьей кровью, окрашивающей черными чернилами все вокруг, и туман в моей голове постепенно начинает рассеиваться.

Когда странное липкое чувство, наконец, уходит, я стряхиваю с меча кровь, и вытираю грязным рукавом пот и кровь с лица.

— Г-господин Глава, — раздался позади дрожащий голос.

Я повернулся и увидел пожилого стража, который стоял рядом со мной на стене. Он протягивал полотенце.

— Вот, возьмите!

Видимо, он принес его из дома. Полотенце было чистенькое, с какими-то мультяшными персонажами, совсем не уместными в данной ситуации. Однако, я с благодарностью принял его. В нос сразу ударил запах свежестиранной ткани, похоже, это огуречное мыло.

В этот момент снизу меня позвал Юн Пал.

— Бро, пора идти!

Сейчас шесть вечера. Со стены открывается вид на Город, облитый оранжевым светом сумерек. Солнце заказывается за горизонт. После встречи со Старым, меня вновь вызвали на стену: твари снова пытались атаковать. Спустя несколько часов, нам таки удалось завершить дело до наступления ночи.

Услышав голос Юн Пала, я поспешно вытер лицо, затем достал с пояса два припасенных магазина и протянул их охраннику, который дал мне полотенце. Выдают только по одному магазину на человека, но мне дали два, потому что я — Глава Эдема. Однако, стоило побережь патроны, и когда я передал тяжелые магазины охраннику, то сказал.

— Спасибо за полотенце. Береги патроны и, надеюсь, еще увидимся.

Это мир, где одна пуля может спасти жизнь или убить. Этого количества патронов хватило, чтобы заплатить за полотенце.

Охранник тяжело сглотнул и судорожно кивнул, а все люди, находящиеся на стене, поклонились мне.

Я попрощался со всеми присутствующими, а затем спустился к Юн Палу, который ждал внизу. Парень протянул мне флягу воды и батончик.

— Возьми, братан, ты не ел, а когда придешь после совещания домой, обязательно поужинай. Кстати, все уже собрались в конференц-зале, тебя только ждут.

Совещание пришлось перенести в виду неотложных дел у стены. Я поспешил на встречу, спешно жуя батончик, из-за зверского голода даже не почувствовав его вкуса. В горле стоял комок, поэтому я пытался запить его холодной водой.

Когда открыл дверь в конференц-зал, в лицо ударил поток горячего воздуха. Шум из коридора вскоре сменился звуками шума совещания, и я увидел людей, оживленно что-то обсуждающих. Они услышали, как открылась дверь, и все взгляды устремились на меня.

— Простите, я немного опоздал, — сказал я, чувствуя тяжелое чувство ответственности под этими знакомыми взглядами.

Люди выпрямились, приведя в порядок свои взъерошенные одежды и волосы, и вскоре их лица успокоились, и они обменялись со мной приветствиями. Когда я прошел на свое место, атмосфера стала более спокойной, люди задышали ровнее и сосредоточили на мне свои взгляды. Как сказал позже Старый, "словно шестеренки встали на свои места".

— Где Дусик и детектив Канг?

Это серьезная встреча, на кону наша судьба. Поэтому здесь присутствовали все люди, отвечающие за различные части плана, даже двое журналистов. Но Канга и Дусика, которые всегда в центре событий, нигде не было видно, и на мой вопрос ответил старик немного подавленным голосом.

— Канг в больнице, его ранили вчера днем. А Дусик отсыпается, он всю неделю безвылазно дежурил на стене.

Каждый из тех, кто прошел этот путь через трудности и невзгоды, был ветераном и замечательным выжившим, на которого можно положиться. Их влияние на оборону стены огромно, и они были незаменимым источником рабочей силы. Вот только почему? Наша нагрузка неизбежно вдвое или втрое больше, чем у других. Детектив Канг с Дусиком всегда на передовой, но именно сегодня не смогли прийти.

— Пусть они хорошенько отдохнут, а мы, несмотря на отсутствие двух важных членов, начнем собрание.

Хотя два человека отсутствуют, собрание должно продолжаться. После моего заявления люди начали рассаживаться, и в большом конференц-зале внезапно стало тесновато. Я сел в кресло и устало вздохнул. Отпив кофе, поданного Очкариком, повернулся к собравшимся и заговорил.

— Вчера вечером у нас произошло самоубийство.

Об этом никто не знал, кроме меня, Старого и еще нескольких человек, поэтому мои слова повергли присутствующих в шок. Эдем стойко выдержал Апокалипсис, но погибшие были убиты не врагами. В помещении воцарилась тишина, а затем я нарушил молчание длинной речью.

— Твари каждый день нападают на нас. У Ворот стреляют и кричат, больницы переполнены, а школы уже как неделю закрыты. Дети больше не улыбаются, а взрослые вынуждены наблюдать за этим постоянно. Я вижу страх в глазах людей, хотя они пытаются его не показывать.

Дело было не в тварях и не в мутантах, а в страхе, который разъедал нас, как чума. Как бы высоко мы ни возводили стены, как бы ни поднимали оружие и ни кричали, мы не можем остановить этот страх. Люди живут не хлебом единым.

Мы не созданы для жизни за стенами, и я вспомнил об этом, когда увидел младенца и мать. Стены были построены, чтобы сохранить жизнь, но без выхода они ничем не отличались от гробов.

— Когда нет надежды, люди умирают, — высказал я неудобную правду, которую мы так долго не хотели признать.

Разве мы не можем просто держаться...оставаться здесь и сдерживать тварей, вдруг они отстанут? Люди не смотрят в будущее без надежды. Они просто терпят, ожидая, когда же все станет хорошо.

Однако, мы окружены врагами, а запасы иссякают. Мы оказались в изоляции и одиночестве. Наша последняя участь — умереть ужасной смертью от рук тварей или покончить с собой, как мать ребенка.

— И... ч-что же делать? — тихо спросил кто-то.

Я не понял, кто это сказал, но вопрос услышали все. Люди дружно посмотрели на меня, а в их глазах впервые за долгое время плескалось отчаяние.

И в этот момент мне в ноздри ударил слабый запах табака, сопровождаемый щелчком зажигалки. Я, естественно, перевел взгляд, чувствуя тошноту от дыма, и увидел Старого, который, не спеша, затянулся.

Старик до собрания тоже был у Ворот и теперь сидел здесь, весь перемазанный черной кровью. Он тяжело вздохнул и, выдыхая дым, сказал коротко.

— Если время поджигает, надо действовать быстрее.

Фраза долетела до меня через замершую толпу. Я вцепился руками в стол, пытаюсь обдумать застрявшие в голове мысли.

Собрал в кулак все нервы и почувствовал, как сердце заливают сталь. Я не могу сломаться, ведь прошел через столько опасностей и невзгод.

Число монстров не уменьшается, словно они постоянно поднимаются из Ада. Эти мерзкие твари пытаются сжить нас со свету, чтобы превратить это место в Ад. Это война на истощение, в которой Эдем теряет силы, а они нет. В этот момент, когда я собрал все мысли в кучу и пришел к ответу, то понял, что проиграл.

Да, я проиграл в одной битве, но не могу проиграть всю шахматную партию.

Медленно поднялся и сказал.

— Мы уйдём. Нужно вывести людей из Зоны.

Другого выхода нет. Мы больше не можем реализовать план по выводу журналистов за отцепление. К тому времени, как общественность узнает, люди Эдема уже будут мертвы.

Мы подошли к краю обрыва, и спасения нет. Тогда настало время сделать то, что мы всегда делали: бежать.

Да, мы бежали именно сюда, но Рая здесь больше нет. Я напряженно выпрямил спину, глаза были полны решимости, и в тот момент, когда принял решение, а люди поднялись со своих мест, Старый щелчком отправил сигарету в пепельницу и заговорил.

— Есть идея на этот счет. Будем держать тварей на расстоянии и ждать удобного момента для побега.

Главная проблема — это твари, окружающие нас. Второй проблемой были военные, блокирующие территорию. Если не решить это, сбежать с таким количеством людей будет невозможно. Но в глазах старика был острый блеск, который говорил мне, что я должен доверять ему и найти выход.

Старый дал два дня. Он сказал, что если за это время ничего не изменится, то придется взять дело в свои руки.

И я и остальные, абсолютно доверявшие ему, кивнули и вычеркнули из бумаг все второстепенные вопросы — то, что мешало нашим планам. Мы оценили оставшееся у нас огнестрельное оружие и провизию, а также людей, которых нужно взять с собой. Сегодня ночью контрабандисты, взятые в плен, под пытками расскажут нужную информацию.

В час ночи я возвращаюсь в свою комнату и ложусь спать, но тут вдалеке раздается шорох, и ко мне подкрадывается Че Ён, которая ждала меня. Когда спросил, что она делает в столь поздний час, девочка без слов показала мне свои рисунки и обняла. Кажется, только вчера она держала в своей крошечной ручонке мелок, а теперь ее навыки рисования настолько выросли, что я не могу не восхищаться.

Изображение Эдема, людей, работающих в нем, и лица играющих детей. В этот момент все было болезненно и безнадежно, но только в рисунках девочки горел яркий свет надежды. Я погладил их дрожащими руками. Рука остановилась на последнем рисунке, который она мне подарила. Там был мужчина, ведущий за собой толпу людей.

— Че Ён, если бы ты вышла отсюда, что бы сделала в первую очередь? — спросил я, с трепетом глядя на рисунок, а девочка, дремавшая у меня на руках, надолго замолчала, словно обдумывая что-то важное, а потом повернула лицо и озорно улыбнулась. И я почувствовал, как боль и усталость, окутавшие мое тело, смываются в этой ясной улыбке.

— Я бы играла с друзьями...с мамой и папой... дядями и тетями....

Ей было не важно, что делать, важно, с кем она будет это делать. Че Ён не закончила фразу и уснула в моих объятиях, а я накрыл ее одеялом и тихонько зачесал челку набок. Руки, которые с утра слегка подрагивали, больше не дрожали.

Адские часы продолжали идти, приближался конец срока, о котором говорил Старый, но в конце первого дня раздался грохот, и мы увидели бомбу, которая упала туда, куда мы должны отправиться — у границы Зоны. И глядя на взрывы, мерцающие в ночи, я понял.

Начался новый этап.

<http://tl.rulate.ru/book/55848/4875861>